

A man with dark hair and a beard, wearing a black shirt, and a woman with long blonde hair, wearing a grey turtleneck, are looking out a window. The man is on the left, looking slightly to the left, and the woman is on the right, looking directly at the camera. The background is a warm, golden light from the window.

Нонна
НИДАР

БЫВШИЕ
Нам (не)суждено

Нонна Нидар

Бывшие. Нам (не) суждено

<https://litres.ru/74206987>

Аннотация

- Убери руки! - Ты стала наглой, малыш. Мне нравится, - шепчет тот, кто бросил меня у алтаря шесть лет назад. - Ты гад, Громов! Ненавижу тебя! - Твоё право. Только не забывай подчиняться. А теперь на колени, малыш, пока я не стал настоящим гадом.

Много лет назад он бросил меня у алтаря, выбрав карьеру. А сегодня он мой босс. И я должна подчиняться ему - Громову. Единственному, кого ненавижу всей душой. И кто, похоже, ненавидит меня. Или нет?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
ВИЗУАЛ	23
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	49
Глава 11	55
Глава 12	59
Глава 13	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

— Мам, Коля прекрасный муж! Посмотри, что творится вокруг, а он работает, получает неплохую зарплату, не изменяет, не пьёт и мне даже не приходится напоминать ему о дне свадьбы.

— Тебе с ним скучно, Машунь, — вздыхает мама. — У тебя раньше глаза горели, а теперь ты выглядишь как бледная, худая немочь. Без жизни, без огня. Работа-дом-работа. Улыбаюсь.

— Это временно, мам. На работе завалы, новый шеф объявился, откуда не ждали. Всё пройдёт.

— Что-то с дня свадьбы не проходит. Ладно, дело твоё. Я предупредила.

— Пока, мам. Люблю тебя.

Самое время отключиться, потому что я как раз подхожу к двери своей квартиры. Мы только недавно установили сейф-дверь, которая смотрится гораздо лучше металлического убожества, которое было до неё. Наша очередная совместная покупка, которая радует глаз.

Удивительно, как женщины жалуются на проблемы с мужем. Мы с Колей единомышленны во всём, даже дверь выбрали с первого взгляда. И так во всём.

Именно поэтому я отпросилась сегодня с обеда, хотя на работе и правда завал. Все суетятся, потому что вместо ста-

ренького, крепкого и надёжного Ивана Петровича к нам едет какая-то столичная звезда. И пусть едет.

А я, едва сдерживая улыбку, осторожно проворачиваю ключ в двери. Бесшумно открывается замок, ему вторят смазанные петли.

Коля сегодня на выходном, у него нет смены в сервисе, где они чинят какие-то супердорогие машины. Я точно знаю его график, поэтому не боюсь ошибиться.

Вхожу в небольшую, но уютную прихожую. Скидываю туфли, замирая от предвкушения, что у нас есть целых полдня друг на друга и страстный секс.

И застываю, когда слышу подозрительные шорохи, а следом громкий женский стон.

Это... что?

Сердце обрывается, а потом начинает биться словно я поднялась на девятый этаж пешком, а не ехала на лифте.

Что это?

— Да, Николя!

Николя?

В голове пусто, ноги и руки немеют. Бросив взгляд в зеркало, висящее на стене, вижу испуганную, с мёртвыми глазами блондинку. Она тупо пялится на меня, а потом отворачивается и делает ещё один шаг.

Шлепки. Громкие, смачные, они кажутся инородными в нашей семейной, взятой в ипотеку, двушке.

Иду на звук. Он раздаётся из полуоткрытой двери спаль-

ни.

Нашей спальни. Комнаты, где мы ещё вчера смеялись, моя голова лежала на его бедре, а Коля гладил меня по волосам. До мурашек, до невероятного, абсолютного счастья, от которого хотелось жмуриться, ка сытой кошке.

И я сейчас его чувствую. Слышу стоны, хриплое дыхание и не верю.

— Давай, детка. О да! Вот так, — незнакомым, каким-то пошлым голосом моего мужа.

И тонкие повизгивания вторят ему в ответ.

Боже. Этого не может быть.

Но может.

Потому что, когда я резко распахиваю дверь спальни во всю ширину, вижу потную спину мужа, который трудится над чужой задницей. С силой вбивается в девушку, от которой мне видны только огромная сотрясающаяся грудь и длинные тёмные волосы.

Почему-то эти волосы выбивают больше всего. Они чертят кончиками по подушке — моей подушке! — и вызывают рвотный рефлекс.

Зажимаю руками рот, прикрываю глаза, чтобы хотя бы на миг перестать смотреть. Но эта сцена отпечатывается на подкорке. Волосы по моей подушке.

Глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю. Уши закладывает, видимо, чтобы приглушить этот триндец. Перед глазами даже под закрытыми веками мельтешат цветные пятна.

И именно в этот момент мой, до этого дня любящий муж, разражается громким, полным удовольствия рыком.

Глава 2

А мне так больно, что невозможно сказать даже слово. Да и что говорить? Здравствуй, милый, это я? Решила сделать тебе сюрприз и отпросилась с работы?

Мы же не в мелодраме. Вот только сердце рвёт на куски, и я задыхаюсь от этой боли. Резкой как удар ножом прямо в грудь. И дубиной по голове, которая ноет и гудит как обиженный колокол.

Господи. Я только что рассказывала маме, какой он хороший, а теперь...

Открыв глаза, выпрямляю спину. И встречаюсь с широко раскрытыми глазами моего мужа.

— Маша?

— Была с утра, — отвечаю бездумно.

Внутри ревёт ураган из несбывшихся надежд, глупых мечтаний и да, разбитой острыми осколками любви.

Ведь я же любила тебя! Всё ещё люблю, несмотря на миг, разделивший жизнь на до и после!

— Эм...

Коля оглядывается на крашенную брюнетку у себя за спиной. Что, ждёт подсказок, как отвечать жене, заставшей его на измене? Но та только улыбается, легко и невинно. А потом складывает ноги так, что вроде как всё прикрыто, но при этом очень сексуально.

— Присоединишься? — наконец, выдаёт он.

И тянет ко мне руки, в то время как его повисший после оргазма член начинает проявлять признаки жизни. Снова. Через минуту. А мне Коля заливал, что может второй раз не раньше, чем через тридцать минут. Это даже учёные подтверждают.

Но, видимо, рядом с сексуальной брюнеткой даже выводы учёных бессильны.

Новый рвотный позыв сотрясает всё тело. Прижав одну руку ко рту, вторую поднимаю в его сторону. Коля брезгливо морщится и ждёт, пока я справлюсь с приступом.

Он всегда был брезгливым. Когда я поймала какую-то кишечную инфекцию, даже уходил из дома на пару часов, чтобы не слышать, как меня тошнит в ванной. И, конечно, никаких подать воды или поддержать волосы.

Впрочем, трахаться с какой-то девкой ему оказывается нормально.

Причём, трахаться без презерватива.

Перехватив мой взгляд на своё достоинство, Коля быстро натягивает трусы.

— Лика на таблетках, — буркнув, поясняет мне.

Девушка остаётся бессловесным приложением.

— В смысле, это должно меня утешить? — из груди вырывается нервный смешок.

Я не знаю, что должна чувствовать обманутая жена. Я не понимаю, что я чувствую. Всегда думала, что это может про-

изойти с кем угодно, но не со мной.

— Или ты трахаешь любую девицу, которая на таблетках?

— Ой, только не истери! — кривится Коля.

Он собирает женскую одежду, разбросанную по всей спальне и подаёт брюнетке. Трусики оказываются повешенными на флаконе моих духов.

Придётся выкинуть. Вместе с кроватью, матрасом, постельным и половиной комнаты.

Мысли лениво ворочаются в сознании. Первая боль прошла, и я не понимаю, почему мне вдруг стало всё равно. Странное отупение тормозит все процессы в организме.

— Спасибо, любимая. Это было волшебно.

И нет, это не мне. Это Коля склоняется над брюнеткой, касается рукой её щеки и награждает долгим поцелуем в губы.

Спасибо не в засос.

— Ты лучший, милый — с милой улыбкой откликается стервь, косясь на меня.

А потом не спеша одевается.

— Вон, — цежу сквозь зубы. — Оба.

— Вообще-то, это и моя квартира тоже.

Коля мгновенно натягивает джинсы и футболку. Пожарный, блин. Но если до этого я считала его образцом мужественности, то сейчас замечаю и наметившийся пивной живот, и носки с дыркой, которую он не давал мне зашить, потому что и так сойдёт, и редкую, будто полысевшую поросль

на груди.

— Я пойду, ребята. Разбирайтесь.

И брюнетка проходит мимо меня, обдавая ароматом секса с моим мужем и любимых Ланвин Эклат. Коля говорил, что с большим трудом доставал мне снятый с производства аромат. Но, похоже, не мне одной.

Как там пишут в журналах для мужчин? Хотите, чтобы жена не заметила измены, подарите любовнице те же духи?

Прикрыв на мгновение глаза, молча указываю пальцем в сторону двери. Но Коля из тех, кто не понимает намёков.

— Да счаз же. Я батрачил на эту квартиру так же, как и ты. И хрена с два уйду из-за твоих истерик.

— Истерик? По-твоему иметь чужую девицу на супружеской кровати и быть застигнутым женой — это истерика?

— Она и есть. Так что успокойся и сядь.

Коля тянет ко мне руки, которыми только что трогал эту девицу. Отшатываюсь в коридор.

— Сейчас мы сядем, я извинюсь, ты поймёшь как была не права и всё будет как раньше.

— В смысле ты продолжишь перебирать девок, пока я на работе?

— Да что такого-то! — взрывается Коля, взмахивает руками. — Все так делают. Или ты думаешь хоть кто-то не изменяет?

— Я не изменяю! — голос срывается на крик.

Понимая, что ничем хорошим это не закончится, отсту-

паю к двери. Вслепую нашариваю обувь.

— Просто ты строишь из себя правильную и честную, — морщится Коля. — В то время как мир давно изменился. Никому не нужны такие как ты. Они не выживают в условиях естественного отбора.

Мать моя.

— Это любовницы научили тебя таким умным словам?

— Я, может, и не такой умный, как ты. Зато понимаю жизнь, — вещает этот придурок.

Он идёт за мной в коридор, а у меня не хватает сил на этот абсурд.

— Хватит. Ипотека оформлена на меня, первоначальный взнос платила тоже я, квартиру мы покупали до брака, так что собирай вещи. Вечером после работы я приду выкидывать вещи, которые ты загадил чужими девками и, если надо, выкину вместе с ними тебя.

Пальцы дрожат, когда я подхватываю сумку с прихожей.

— А если не уйдёшь, я вызову полицию. И да, — оборачиваюсь в дверях, — готовься к разводу, милый.

Последнее слово произношу издевательски сквозь злые слёзы. И сбегая на работу.

Глава 3

— Что случилось?

Сказать, что Таня удивляется, увидев меня в офисе — не сказать ничего.

— Всё нормально. Так получилось.

Универсальный ответ. Муж изменил — так получилось. Чувствую себя использованной тряпкой — так получилось. Стыдно сказать об этом даже маме — так получилось. И под финал, в жизни не осталось ничего стабильного, кроме работы — тоже так получилось.

Так получилось, что последние два года я успешно заменяла И.О. начальника, пока нам не назначили молодого, лощёного и модного типчика из Москвы. Как будто без него проблем не хватало.

— Хорошо, что ты пришла, — шепчет Таня, пока я устраиваюсь за столом и снова включаю ноут. — Вовремя.

— А что здесь случилось?

— Здесь? Да так. Громов приехал.

— Мм, а кто такой Громов?

Думать не хочется совершенно. Но работа — хотя бы повод занять мысли, скачущие в голове как бешеные белки.

Боже, это со мной что-то не так? Почему вдруг при регулярном сексе, готовом ужине, уютной гнёздышке и всех удовольствия Коля решил, что изменить — это нормально? Это

же ненормально?

Или это я, в двадцать четыре веду себя как старая отсталая дура?

— Мать, да ты совсем того, — крутит у виска Таня. — Громов Александр Германович. Вообще-то, этот тот мужик, которого прислали нам вместо Дроздова. Тот, который подсел тебя просто потому что московский ставленник.

Громов. Александр. Точно. Охрененно крутой спец по маркетингу, который поднял с колен десятков филиалов в столице и теперь сослан к нам с той же целью. Явно за грехи, просто так такие личности нам не переппадают.

— Чёрт с ним, Громов так Громов.

Ещё вчера мне было тоскливо и обидно, что меня, разрывающуюся на две ставки, так просто заменили. Сегодня плевать. Не после того, как...

Всхлип вырывается дико не вовремя. Стараясь не дышать, тянусь за бумажными платками, вытираю нос и слёзы. Они сами текут по щекам, наплевав на мои желания.

Хотя, пока ехала на работу, я всеми возможными и невозможными способами сдерживалась и убирала следы потока на щеках.

— Ты заболела, что ли, Маш?

— Ага. Слегка.

— Так, может, на больничный?

И сидеть дома, тупо пялясь на закрытую дверь спальни, потому что войти туда у меня духу не хватит?

— Нормально. Завтра буду как огурец.

Пожёванный и перемороженный, но кому какое дело.

Пока привожу себя в порядок, на мэйл приходит письмо.

— Видела?

Таня выглядывает из-за своего ноута.

— Вижу, — мрачно.

Всех менеджеров высшего и среднего звена собирают в конференц-зале. Не иначе спец подъехал и соизволил взглянуть на коллектив.

— И что?

— Да ничего. На людей посмотрю, себя покажу, — встаю, усмехнувшись.

А что остаётся. Пусть меня сняли с должности И.О., но главным менеджером я всё-таки осталась.

— Расскажи потом.

Глаза Тани возбуждённо мерцают поверх ноута.

— Говорят, Громов огонь мужик!

— В смысле огонь? Жжёт напалмом?

— Занимается сексом хорошо, — мечтательно роняет Таня. — И сам из себя... просто вау. Высший класс.

Ага. Проблема в том, что высший класс у нас разный.

— Учту, — фыркаю.

И, стараясь думать только о работе, поднимаюсь в конференц-зал. Мне удаётся занять место в первом ряду, пока подтягиваются остальные. Шум и гам нарастают прямо пропорционально прибывающему народу. Громова ещё нет, трибу-

на и сцена пусты.

И мои мысли возвращаются к мужу.

Спокойный, вздох сразу прерывается нездоровым всхлипом. Сидящий рядом начальник кадров косится с подозрением.

— Насморк, — объясняю.

В подтверждении легенды тянусь за платком, а он отсаживается на два кресла.

И правильно. Я сегодня заражённая. Болью, отчаянием, сломанными надеждами.

Не надо вам такого.

Не стесняясь, “болезнью” отваживаю от себя ещё пару начальников, так что в конце концов меня оставляют в покое. Образуя вокруг буфер в несколько кресел.

А я сижу, мрачно сверлю пол на сцене и не могу понять.

Чего ему не хватало? Откуда эти “нормальные” измены? С чего? Почему?

Миллион вопросов без ответа.

Из-за них я пропускаю тот момент, когда все вдруг подбираются и устремляют взгляды на трибуну. В конференц-зале воцаряется тишина.

Я тоже поднимаю взгляд. Чтобы в следующий момент до боли вцепиться в подлокотники кресла.

Потому что рядом с трибуной стоит чертовски опасный, красивый и видно, что тренированный мужик. Короткие волосы в небрежном беспорядке, тёмный взгляд режет, даже

когда он не смотрит на тебя, идеальный костюм явно сшит на заказ. А магнетизм такой, что с последних рядов кто-то не сдерживается, выдавая томный стон.

И всё это обостряется, когда на красиво очерченных губах появляется усмешка.

Огонь мужик.

Осталось забыть, что именно он — самый острый осколок моего прошлого. Моя застарелая боль. Мой бич.

Грёбанный Алекс Громов, который, глядя прямо на меня, делает первый шаг со сцены.

Глава 4

Нет. Нет. Нет.

Только не он!

Только не мужчина, который стоял перед глазами день и ночь, пока в один прекрасный день я не встретила Колю. Хотя спорный вопрос, насколько прекрасный, учитывая события.

— Мария Алексеевна, — усмехается эта скотина, спускаясь со сцены. — окажете честь?

— Чтобы ты сдох!

К чему приличия, когда надо быть дегенератами, чтобы не узнать друг друга. Тем более, вокруг всё ещё никого, так что драгоценные коллеги не услышат.

Только Громову плевать, его величество забавляется. Тихий, бархатный смех проходит наждачкой по моим нервам.

Сжав зубы до скрипа, принимаю поданную руку. И хотелось бы развернуться и уйти, да здравый смысл подсказывает — потом не отобьюсь от любопытства коллег.

Ненавидя его и весь мир, позволяю помочь подняться на сцену. И даже стою рядом, пока тот, чья нежная улыбка всё ещё не состыкуется с отсутствием в ЗАГСе, возвращается к трибуне.

— Добрый день, уважаемые коллеги. Уверен, многие не в восторге от меня и распоряжений головного офиса, но при-

дётся потерпеть. Однако, для начала я хотел бы выразить благодарность от лица всей компании Марии Алексеевне, которая самоотверженно и успешно замещала руководителя на протяжении такого времени.

Громов хлопает три раза, и из зала доносятся вялые аплодисменты.

Меня здесь не то чтобы не любили, уважали — несомненно, доверяли мнению, но предпочитали держаться подальше.

— Под её руководством ваш филиал вышел на лидирующие позиции в области, но все мы понимаем, что это не предел. Поэтому прямо сейчас я прошу Марию Алексеевну стать помощницей и ввести в курс дела. Стать правой рукой, — добавляет эта скотина с пошлым намёком, который слышу только я.

Вот гад. Знает, что подорвать его авторитет сейчас, это всё равно, что слить годовые показатели в унитаз. На дворе октябрь, и если я не подыграю, коллеги пошлют этого в пешее эротическое и будут саботировать приказы. А там декабрь на носу, и все мы останемся без премии.

Хотя какое мне дело, если с этим я работать не буду.

— Всегда рада, Александр Германович.

И надо же было так лохануться! Но я бы в жизни не подумала, то мой Громов и этот — одно лицо. Да чтобы Алекс согласился уехать из своей любимой Москвы, должен был сдохнуть он сам.

— Отличное начало прекрасного сотрудничества, — про-

должает паясничать этот урод.

А потом разворачивается и пожимает мне руку. Но не просто пожимает, а проводит большим пальцем по подушечке моего. Помнит. А у меня от простого движения желудок делает сальто и горячим комом приземляется в районе либидо.

— Обязательно, — цежу сквозь зубы.

А потом спускаюсь со сцены, не дожидаясь его помощи. Но в кресло не сажусь. Так и чеканю шаг через все ряды до самого выхода, чтобы не со всей силы, но всё же хлопнуть дверью. А потом пойти писать по собственному.

А ведь как хорошо всё начиналось! Я, восемнадцатилетняя дура, развесила уши как самая последняя... дура. Поверила, что вот этот богатый, статный, с потрясающим телом и харизмой мужчина вот так взял и влюбился в простую студентку-первокурсницу.

Как же, десять раз.

Но дело было сделано, а я по уши влюблена в Алекса Громова, который очаровал всех вокруг. Стоило ли сомневаться, что на его предложение руки, сердца и остальной сволочной натуры я ответила не просто согласием, а бурными восторгами.

И начала готовиться к свадьбе. Хотела быть самой-самой для лучшего мужчины на земле. Ладно хоть мозгов хватило не залететь от него на радостях, иначе сейчас было бы совсем весело.

И вот он, самый счастливый день в моей жизни. Гости шумят в холле ЗАГСа, мама плачет, отец восхищается моей красотой.

Вот только жениха нет.

Но не страшно, это же Громов. Он всегда появлялся в нужную минуту. Спасал меня от одиночества, дождя и даже голода. Точно знал, какой кофе я люблю и с чем предпочитаю роллы, хотя даже мама не всегда угадывала.

Поэтому я не волновалась. Ровно до того момента, пока регистратор не позвала нас в зал.

К счастью, слёзные мольбы невесты подействовали, и нам разрешили пропустить одну пару. Потом ещё одну. И ещё.

Мимо меня как месяцы этого невероятного романа мелькали счастливые лица, брызги шампанского, улыбки и поцелуи.

Так продолжалось, пока отец не увёл меня, шепнув, что гости давно разошлись, а ЗАГС закрывается.

А теперь эта скотина думает, что я стану на него работать? Помогать? Буду правой рукой?

А не пойти ли тебе туда, где ты тусовался столько лет?

— Что? — выдыхает Таня, стоит мне залететь в наш общий кабинет.

— Ничего, — цежу сквозь зубы.

Хватает полминуты и несколько резких росчерков, чтобы написать заявление по собственному. Такими же дёргаными движениями я сбрасываю в сумку телефон, ключи и ещё па-

ру вещей из самого необходимого.

И ни минуты больше не собираюсь находиться в одном здании с Грозовым.

Поэтому вылетаю из кабинета, не смотря. И попадаю аккуратно в сволочные объятия.

— Вот и встретились, малыш. Соскучилась?

Прекрасные, если вы не хотите пропустить важные новости, подписывайтесь на автора.

*Если вам нравится книга, оставляйте, пожалуйста, комментарии, делитесь впечатлениями, ставьте звездочки.
Помните, что ваша активность — это лучший источник вдохновения для автора! И лучшая награда#*

ВИЗУАЛ

Прекрасные, вот и герои нашей истории...

Мария Алексеевна Бедная

Маше двадцать пять лет. К этому возрасту она заработала уважение коллег и сделала неплохую карьеру. Серьёзная, верная, она выбросила болезненные воспоминания о несостоявшейся шесть лет назад помолвке, встретила “хорошего” парня и выскочила за него замуж.

Но теперь ей снова придётся встретиться со своим кошмаром.

Александр Германович Громов

Алексу 33 года. Успешен, состоятелен, владелец консалтинговой фирмы. В данный момент оказывает услугу приятелю, повышает показатели в отдельном взятом филиале.

Глава 5

Как-то слишком быстро они закончили. И пялящиеся со всех углов коллеги это только подтверждают.

Что, не зашёл нашим столичный корпоративный план?

Открываю рот, чтобы ответить что-то максимально ехидное, но в этот момент открывается дверь нашего кабинета.

— Маш, ты... ооо, добрый день, Александр Германович.

Таня не просто в восторге, она фактически расплывается лужицей перед этой сволочью.

— А вы всё уже обсудили, да?

В её глазах полный расфокус, который перескакивает с мужественного подбородка на сильную шею и ниже, до самый идеально-начищенных туфель.

— Хотите, проведу вам экскурсию по офису?

В собственной квартире? Или в его кабинете? А, может, в машине?

При воспоминании о машине, сладко тянет в груди. Давлю идиотское воспоминание.

— Мы только начали, — сверкает глазами Громов. — И Мария Алексеевна прекрасно справится с экскурсией. Правда, ведь?

— Да пошёл ты, Громов! — цежу, не обращая внимания на испуганный Танин вздох. — Я не буду с тобой работать.

— Как раз это и обсудим. В моём кабинете.

Он даже не думает выпускать меня из рук.

— Или сразу оповестим коллег о наших отношениях? —

А потом, с прищуром и явным удовольствием добавляет: — Малыш.

Тварь.

Таня едва в обморок не падает от открывшихся новостей. А я надеюсь только на то, что через час о “наших отношениях” не узнает весь офис.

Поэтому всё-таки вырываюсь из объятий, одёргиваю костюм. Вспоминаю, что в руке очень удачно зажато заявление на увольнение.

— Кабинет так кабинет, — усмехаюсь, задираю подбородок и первой следую в сторону бывшего кабинета Ивана Петровича.

Ладно хоть идти недолго, всего-то метров пять до двойной, самой дорогой в офисе распашной двери с надписью “генеральный директор”. Фамилию и инициалы Ивана Петровича отсюда предусмотрительно стёрли, хотя, пока я его замещала, никто они не смущали.

Впрочем, я и этим кабинетом не пользовалась. У меня был свой, один на двоих с Таней, который полностью устраивал и размерами, и видами. А сидеть в этой пятидесятиметровой гробине с секретаршей и видами из панорамных окон? Нет уж. Пусть Громов развлекается.

Тем более, этих секретарш у него уже очередь. Проходя через приёмную, я успеваю заметить стопку заявлений с

просьбой перевода на такую вакантную должность.

Но вот и сам начальственный кабинет. Мрачный, в серых и бежевых тонах с отделкой деревом и камнем. Под стать Громову. Такой же пафосный.

Не останавливаясь, дохожу до стола, с громким шлепком припечатываю к нему заявление на увольнение и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Только Громов имеет своё представление о наших обсуждениях. И они явно не вяжутся с моими.

— Убери руки!

— Стала наглой, малыш? Мне нравится, — шепчет тот, кто шесть лет назад бросил меня у алтаря.

— Ты гад, Громов, — цежу. — Ненавижу тебя! И ни за что не стану на тебя работать.

— Твоё право ненавидеть.

Его руки по-хозяйски вытаскивают мою рубашку из-под пояса юбки. Пытаюсь сопротивляться, но это всё равно, что бросаться под бронепоезд — исход поединка известен заранее.

— Только не забывай подчиняться.

Громов зажимает меня между столом и собой. Сильный. Мощный. Дико сексуальный.

Был бы, не будь у нас одной поганой истории на двоих.

Одной рукой фиксируя меня за талию, другой он перехватывает за затылок. Так, что не пошевелиться. Его губы в каком-то сантиметре от моих, и против воли тело начинает ре-

агировать на близость самого сволочного мужчины в моей жизни.

Хотя их и было-то: Громов, да Коля. И я даже теряюсь, кто сейчас в финалистах на звание победителя.

Но горячее дыхание на губах отвлекает от мыслей о муже. Здесь и сейчас правит Громов. И он вконец охамел. Потому что бесстыдная рука отпускает талию, и я чувствую её около края юбки. Пытаюсь оттолкнуть, но у нас разные весовые категории.

Рука Громова медленно продвигается выше, будто эта сволочь никуда не торопится. Подозреваю, так и есть. Он всегда считал себя хозяином жизни. Поэтому и покори́л меня, восемнадцатилетнюю дурочку, с первого взгляда.

А теперь, похоже, собирается изнасиловать на собственном столе, широкая, чуть шершавая ладонь дерзко пробирается выше, не останавливаясь на середине бедра. Ещё мгновение, и она коснётся трусиков, но Громов останавливается.

И совершенно серьёзно, томительной лаской касаясь моих губ своими, заявляет:

— А теперь на колени, малыш. Пока я не стал настоящим гадом.

Колю визуализируем или ну его?

Глава 6

— Ты совсем охренел, Громов? Я не одна из твоих фанаток. Иди вон, проветришься.

Кивнув в сторону двери, выворачиваюсь из его хватки. А в следующий миг оказываюсь в ещё худшем положении. Этот Терминатор каким-то невероятно ловким движением поворачивает меня, и теперь я не просто зажата между ним и столом. Всё это в отвратительной позе раком, при котором достоинство Громова недвусмысленно в меня упирается.

— Малы-ыш, ты же помнишь, как нам было хорошо.

— Очень. Пока ты не поцеловал меня на прощание, обещал встретить в ЗАГСе и свалил в Москву этим же вечером.

За эти годы Громов действительно стал “высший класс”, начиная с тренированного тела, каждую мышцу которого я чувствую, когда он прижимает меня спиной к своей груди, и заканчивая терпким ароматом парфюма, который заставляет делать глубокий вдох.

Господи, даже парфюм добавляет Громову секса!

— Про Москву я выяснила позже. Но, согласишься, говорящий поступок. Чисто сволочной. Как весь ты! — под конец рычу.

Ярость, что я давила в себе эти годы, просыпается вся и сразу.

— Зато сейчас я весь твой, — усмехается эта скотина. —

И наслаждаться владением куда удобнее с колен, малыш. Тебе понравится, обещаю.

Горячий язык проходит лаской по шее, Громов прикусывает мочку моего уха.

И всё либидо разом плюёт на измену мужа и прочие неприятности. Бёдра непроизвольно сжимаются, но ярость, как в слогане кроссовок, твердит: “Просто сделай это”.

И, мстительно улыбнувшись, я делаю. Со всей дури и давней обиды втыкаю острый каблук в ботинок Громова.

Мимо. Почти. Но этого хватает, чтобы гад чертыхнулся, отшатываясь.

— На колени ставь своих поклонниц, исполнят любой каприз, — криво усмехаюсь, глядя ему в глаза.

В хищно прищуренные, тёмные глаза, не умеющие сдаваться. Только и мне далеко не восемнадцать.

— А моё заявление на твоём столе, копию заверю в кадрах, и чёрта с два ты меня не уволишь. А ещё раз протянешь руки, обвиню в харассменте.

— Не в этой стране, малыш. Но мне нравится твой настрой. Заводит.

— Тачку свою заводи, а от меня отстань.

Какое-то время я стою, взявшись за ручку двери. Громов точно так же не отрывает от меня взгляда, пока я оцениваю широкие плечи и узкие бёдра. Хотя должна бы приводить в порядок себя, а не глазеть на него.

— Чёрта с два. Теперь ты никуда от меня не денешься.

И что-то в его словах царапает, но я слишком взбудоражена, чтобы на этом циклиться.

— Подвезти до постели? — Громов добавляет раздражая общий трындец.

— Я замужем.

За эти несколько минут я успеваю успокоиться. В конце концов, было и было, мало ли кто кого бросал. И сейчас для меня главное оказаться подальше от Громова, а не показывать, что давняя обида всё ещё жжёт раскалённым металлом.

Почему он меня бросил? Почему не предупредил? Зачем так?

— Ненадолго.

А вот в этом он может оказаться прав. Одно уроненное в тему слово Громова берedit сегодняшние раны. Прикусив губу, чувствую, как глаза наполняются слезами. И меньше всего хочу плакать на его глазах.

Сволочь.

Оба.

Отворачиваюсь от Громова и, наконец, выхожу, аккуратно прикрывая за собой дверь. Только перед тем как выходить в общий коридор, стоило привести себя хотя бы в относительный порядок.

— Ба-а. Маш, вы что... — с широко открытыми глазами Таня делает пару характерных движений — того-этого? С Громовым? Вот так сразу?

— Лучше бы работала, Тань! — рывкаю, впервые за всё

время напоминая, кто здесь главный.

Плюхаюсь за стол, вцепляюсь пальцами в волосы. Со стоном закрываю глаза, вспоминая то, что никогда не хотела.

— Прости, — выдаю сдавленно. — Я не хотела тебя обидеть.

Но Таня продолжает игнорировать меня, громко стуча клавишами.

— Та-ань.

— Я работаю, Мария Алексеевна. Как вы и приказывали. Ну, класс.

— С вашего разрешения схожу к айтишникам, подписать накладную у их начальника, — холодно отзывается она.

И, в отличие от меня, громко хлопает дверью кабинета.

Чёрт. Обидела бедную, причём незаслуженно.

Хотя бедная здесь я. И по факту, и по фамилии.

Помнится, мама долго уговаривала оставить свою. Орлова звучало гораздо лучше Бедной, но я считала, что Коля меня спас. От боли, от самоуничтожений. От себя. И хотела отплатить ему безграничной, от всей души благодарностью.

Коля настолько отличался от Громова, что я влюбилась через неделю. Он срывал мне ромашки, подкладывал в карман конфеты, робко обнимал и заглядывал в глаза, пытаясь угадать, чего я хочу. А я хотела спокойствия и тёплого очага, для которого я смогу стать хранительницей.

Коля отличался от Громова как подделка от оригинала. Может, звучит грубо, но я была сыта эмоциональными каче-

лями, сексуальными марафонами и страшными по своей силе порывами, от которых не могла ни жить, ни дышать полной грудью. Громов был моим наркотиком. Коля стал спасением.

Только кто знал, что спасение тоже окажется с душком.

И в этот же день провидение решило добить меня, являя его величество Алекса Громова. Ставя его надо мной.

“Зато сейчас я весь твой. И наслаждаться владением куда удобнее с колен, малыш. Тебе понравится, обещаю.”

Нет. Я не могу здесь больше находиться. В конце концов, я же хочу, чтобы меня уволили? Несанкционированный уход с работы — отличный повод.

А пока самое время вернуться домой.

Только и там меня ждёт сюрприз.

Глава 7

Открывать дверь откровенно страшно. Я не знаю, что меня там ждёт. И на общем раздрае от встречи с Грозовым вряд лиотреагирую адекватно.

С другой стороны, стоять вот так, перед дверью с ключом в руке тоже такое себе.

Делаю глубокий вдох, медленно выдыхаю. А потом вставляю ключ и делаю положенный оборот.

Щёлк. Ключ проворачивается только один раз.

Внутренности вымораживает от мысли, что Коля там. Что мне делать в этом случае? Кричать? Выгонять?

Я была уверена, что он впечатлится угрозами, и больше я не увижу его в когда-то нашей квартире. Ведь мы действительно купили квартиру за месяц до свадьбы, потому что были выгодные проценты. Но именно тогда у него возникли проблемы с белой зарплатой, так что ипотеку пришлось оформлять на меня. Платить тоже мне, но мы ведь семья, это никогда меня не беспокоило.

До сегодняшнего дня, пока я не увидела мужа с другой.

Фу. Мутит от одного воспоминания. И неприятно называть Колю мужем. Всё моё существо противится этому.

Поэтому, открыв дверь, я вслепую нашариваю рукой бит. Да-да, ту самую, которую коллеги подарили Коле на последний день рождения. И нет, в бейсбол он не играет. Он

относится к спорту в целом отрицательно, заявляя, что физической нагрузки ему хватает и на работе.

Но бите порадовался. Как же, суровый мужской подарок. Который всё это время пылился между стеной и тумбой в прихожей.

Коля смеялся, что будет отгонять ею моих поклонников. Интересно, а Громов считается?

С горькой усмешкой примеряю вес, но деревянная палка не такая и тяжёлая, я справлюсь.

И только сейчас замечаю это. Сладковатый, душный аромат начинающих преть цветов. Как будто они перестояли в вазе и теперь сильно просят в мусор.

Но цветов нигде нет. Я оглядываюсь ещё раз. А потом смотрю себе под ноги.

Оказывается, я целую вечность топчусь по ярко-красным лепесткам, которыми усыпан весь пол прихожей.

Это что ещё за...

Чихаю. Раз, другой.

Дышать становится трудно, нос мгновенно закладывает. Я не выношу розы, у меня на них аллергия. Особенно когда запах такой, словно они лежат здесь неделю.

Прикрыв нос рукавом, с битой в руке, прохожу по усыпанному коридору.

Надеюсь, что подарок для темноволосой девицы, потому что не может же Коля...

— Проси меня, любимая. Я был кретином, но исправлюсь,

— с подвыванием заявляет Коля, стоя в кухне на одном колене. — Я выгнал эту тварь, больше никто не разрушит наше семейное счастье.

Застываю как вкопанная. И дело даже не в том, что Коля едва помещается в нашей кухне, где между столом и гарнитуром полметра свободного места. И не в том, что меня выносит от вони цветов с увядшими лепестками. И даже не потому, что розы эти он набрал явно по дешёвке, учитывая, в каком они состоянии, усыпал ими всю квартиру и заставил ими все вазы. Они, кстати, стоят здесь же на кухне.

Нет. Всё это фигня.

Гораздо больше меня деморализует то, что Коля голый. Совсем. Даже без трусов.

— Скажи, что прощаешь меня, любимая. Я сделаю всё, чтобы мы снова были вместе.

Только пока получается наоборот.

— Тебе же так нравится романтика. Это всё для тебя.

— Это тоже? — интересуюсь с нервным смешком, показывая в сторону его приподнятого органа.

— Это — особенно, — радуется Коля, думая, что я его простила.

А у меня форменная истерика от происходящего.

Романтика? Да, я люблю. Свечи и полумрак спальни, красивые рестораны, номер в отеле с панорамными окнами, хриплый шёпот и сильные руки, нежные покусывания спины и плеч, касания, взгляды...

И необязательно все пункты вместе, можно по отдельности. Хотя бы раз в месяц выйти куда-нибудь и насладиться друг другом, а не вечными разговорами о работе, пробках по утрам и “Ма-аш, у нас закончилась туалетная бумага”.

Но, мать его растак, романтика — это не трахающийся с чужой девицей муж. И не он же с висящим членом и прилипшим к коленке лепестком бывалой розы.

— Не подходи, — давлюсь я истеричным смехом.

— Брось, Машунь, — Коля переходит на соблазнительный шёпот.

По его мнению, соблазнительный.

— Я хочу тебя порадовать.

Подняв биту, я позорно отступаю в прихожую от такой радости.

— Уходи. Пожалуйста.

Прошу в перерывах между кашлем, швырканием и нервными смешками.

— Нам же было так хорошо вместе, — продолжает этот недоказанова.

А я вдруг понимаю, что это было не “хорошо”, а привычно, безопасно и ровно. Без особых страстей, внезапных поцелуев, потому что невозможно сдержаться, без мурашек по позвоночнику от накатившего желания, без спонтанного секса перед выходом на работу.

Мне казалось, это то, что нужно после выворачивающих отношений с Громовым. Секса в ванной, пока гости собира-

лись на его день рождения. Прыжков с парашютом. Минета на ночной парковке, когда приехали за вином, но очень захотелось. Внезапного: “Завтра летим в Питер, возьми зонт”.

— Нам не было хорошо, — качаю головой, и даже аллергический насморк отступает. — Иначе ты не залез бы на свою девицу.

— Это случайность, Машунь. Я всё осознал.

Между нами бита, на Коля давит на неё всей массой. Понимая, что не выдержу, прижимаюсь спиной к входной двери.

— Это конец, Коля. Наш.

Он протестующе рычит, бита проскальзывает между нашими телами, а я зажмуриваюсь, когда проваливаюсь спиной в пустоту.

А попадаю в сильные, уверенные руки.

Глава 8

— Бить надо так, малыш, — над ухом звучит шёпот, от которого мурашки по всему телу.

А в следующий момент Громов перехватывает падающую биту, коротко замахивается, и Коля, закатив глаза, оседает на пол. И я едва не следую за ним.

— Ты совсем больной, Громов? — сипло.

Потому что Коля хоть изменник и дурак, но смерти от собственной биты точно не заслуживает.

Вырываюсь из объятий, но это мы уже проходили. Если Громов не хочет отпускать, я могу из кожи вылезти, толку не будет.

— Ты его убил!

Коля на полу не подаёт признаков жизни. Пытаюсь рассмотреть, поднимается грудь на вдохе или нет, но перед глазами всё плывёт.

— У меня впереди интересная и насыщенная жизнь, двух лишних лет для отсидки в ней точно нет, — хмыкает Громов.

— Жив полудурок, башка крепкая, а бил я не сильно. Так что давай успокаивайся, трусики-маечки собирай и пошли отсюда.

— Это мой муж!

Повернувшись, бью Громова кулаками по груди. Хочется сделать ему так же больно, как когда-то было мне.

— Мой! Муж! А ты левый мужик.

— Поэтому тебя так кроет? Потому что я левый мужик?

Он перехватывает мои руки, легко встряхивает, ловит взгляд.

— Я знаю, как ты выглядишь, когда жизнь рушится. Наше бьётся едва заметная жилка, руки стиснуты добела, и глаза — самые красивые и самые несчастные. Так что сделал этот мудака? Изменил?

Каждым словом по больному месту.

И хочется спросить, откуда бы ему знать, раз мою жизнь разрушили только раз. Он.

— Мало я ему выдал, — усмехается Громов, не требуя больше ответа.

Раньше он прекрасно читал всё по моему лицу. Видимо, навыки сохранились.

— Ты не простишь его, малыш. Так какой смысл растягивать.

А я, наконец, беру себя в руки. Встряхиваюсь, подхожу к Коле, но Громов прав, тот просто в отключке. Невидящим взглядом осматриваю пожухлые лепестки. Даже цветочной вони уже не чувствую. Фокусируюсь на мощной фигуре Громова, стоящей в дверях всё ещё с битой в руке.

— Растягивать что?

— Наше примирение, — как ни в чём не бывало отзывается тот. — Мы и так потеряли достаточно времени.

— Мы? Потеряли?

В голове щёлкает тумблер, переключая меня в очередную стадию эмоциональных качелей.

Громов в моей жизни всего каких-то несколько часов. Полдня! А я уже не в себе. Реву, злюсь, теряюсь, давлю неправильное, дикое желание поддаться.

Нет уж. Не в этот раз. Я учусь на собственных ошибках и не наступлю на Громова дважды.

— Ты променял меня на карьеру, — качаю головой и поднимаюсь. — Так, вперёд. Твоего высочайшего внимания ждёт целый филиал. Только подумай, Громов! Пятьдесят три не окученных тобою женщины готовы растечься лужей у ног нового столичного спеца.

Почему так больно? Почему от каждого слова усиливается ощущение неправильности происходящего? Тем более, я в своём праве. И точно знаю, что верить этому мужчине нельзя ни при каких обстоятельствах.

Пушистый мишка? Как же! Громов — зубастый тигр, который выгрызет сердце, если я уступлю хотя бы палец.

— А себя ты посчитала?

— Я там уже была. Меня ты окучил так, как никого, — горько усмехаюсь. — Высший класс.

— Малыш, — с показательной усталостью вздыхает он, но я перебиваю.

— Я никуда с тобой не поеду. Никакого примирения не будет. Да и с чего бы нам мириться, если мы не ссорились.

Оглядываю прихожую, но здесь нет ничего, чем можно

было бы прикрыть Колю.

— Окей. Ты хочешь, чтобы тебя уговаривали.

Застываю от неожиданного вывода. Поворачиваюсь к нему.

— Я хочу, чтобы ты исчез из моей жизни раз и навсегда.

— Или жёстко отомстить, а потом снова нырнуть в наше, одно на двоих, безумие?

Сволочь! Потому что всё моё нутро отзывается на его слова. Потому что Громов всегда понимал меня лучше, чем удавалось мне самой.

И безумие начинается, когда он вдруг оказывается слишком близко. Широкая ладонь зарывается в мои пряди, тянет, заставляя поднять взгляд.

Пугаюсь до дрожи. Знаю, несмотря на всё моё сопротивление, он заставит меня делать то, что хочет. Может заставить, но Громов почему-то не спешит.

Его цепкий взгляд не отпускает мой. Проваливаюсь в него, как в тёмный, горячий омут. Не понимаю, что он сейчас думает и чувствует. Не знаю, что хочет сделать.

А Громов приближает своё лицо к моему. Твёрдыми, прохладными губами касается моих губ. Меня бросает в жар, когда его возбуждённый член упирается в меня.

— Мне ни с кем не было так хорошо, малыш.

От невинной ласки сжимаю бёдра. Потому что это слишком. Как и всё в нём. Властный, сильный аромат с резкими древесными нотками окутывает меня всю. Мешает сделать

вдох.

— И я готов поддаться. Чтобы потом. Получить тебя всю.

Каждое слово — изощрённое наслаждение от движений его губ и наглого языка.

А потом всё вдруг заканчивается. Я остаюсь растерянная, испуганная и замерзающая стоять посреди собственного коридора. Ведь Громов не только гад, каких поискать. Он ещё и очень горячий гад. Во всех смыслах.

— А пока, так и быть, подумай, пострадай, поплачь, — усмехается Громов. — Но недолго, малыш. Ненавижу ждать.

И, подхватив голого Колю, который начинает очухиваться, за шиворот, вышвыривает того в подъезд.

Глава 9

Не плачу из принципа. Не страдаю, видимо, по той же причине. Всё — чтобы не следовать словам Громова даже так.

Злюсь — да. Чертыхаюсь, ругаюсь сквозь зубы, фырчу рассерженным ежом. И для начала убираю море идиотских лепестков.

— Чтобы я ещё раз...

Коля — кретин. Столько лет прожить со мной и всё ещё не знать, что у меня аллергия на розы — это надо уметь. Впрочем, подозреваю, лепестки он урвал в ближайшем цветочном киоске, там они не переводятся как раз для таких идиотов.

Надев перчатки и маску, ползаю по полу, собирая лепестки. Безжалостно сминаю их руками, засовываю в большой мусорный мешок на завязке. Ловлю сбегające и снова засовываю внутрь.

Развлекаюсь так, наверное, полчаса, пока не раздаётся звонок в дверь.

Биту в этот раз беру осознанно. Если с той стороны хоть один из этих двоих...

— Клининговая компания “Три сестры”. Орлова Мария Алексеевна? — сверяется с планшетом симпатичный молодой человек.

— Бедная, — поправляю машинально.

— В смысле?

— В смысле Бедная Мария Алексеевна. А вам что надо?
Парень мгновенно вернул себе уверенность.

— На ваш адрес поступила заявка на клининг. С чего начать?

Подняв бровь, он заглядывает мне за спину. И становится жертвой собственного любопытства.

Захлопнув дверь, слышу по ту сторону сдавленное ругательство.

А не надо было совать нос, куда не просят. И к Громову это тоже относится, никому другому в голову бы не пришло заказывать мне уборку.

Но это я высказываю ему лично. Потому что сначала чувствую вибрацию, вижу незнакомый номер, а, когда отвечаю, слышу:

— Не психуй, малыш. Открой дверь и дай специалистам поработать.

С-с-с...

— Громов! — выдыхаю взбешённо.

Знаю, ещё чуть-чуть, и из ушей повалит пар.

— За шесть лет ты полюбила приборку? Раньше она всегда вводила тебя в транс.

— За шесть лет я полюбила сама решать, что мне делать. Без самодовольных павлинов!

— Не гад, уже легче, — хмыкает в трубку этот... гад. — Малыш, поехали ужинать.

Челюсть не отваливается ниже просто потому что физиологически это не предусмотрено.

— Серьёзно. С вашим долбаным знакомством во мне только кофе. Спаси любовника.

Громову весело, а я в полном абзаце.

— Ты мне не любовник, Громов.

— Исправим после ужина.

Прикрыв глаза, оседаю на тумбу в прихожей. Дышу по счёту. Три на вдох, шесть на выдох.

— Молчание — знак согласия. Заеду в восемь.

И до того, как успеваю что-то сказать, эта сволочь отключается. А в дверь снова стучат.

Молча сверлю взглядом тёмную дырку на обоях. Коля хотел прикрутить полку, но ошибся с размерами и продырявил не там.

Снова стук. В этот раз громче и такой, что я вздрагиваю.

— Что ещё? — рванув на себя дверь, рычу на знакомого парня.

— У вас глаза красные, — хмурится тот. — Аллергия?

И слишком уж нагло оттесняет меня от двери. Не успеваю оглянуться, а в моей квартире уже три незнакомых женщины, переговариваясь, собирают лепестки роз.

— Знаете, в чём проблема наших женщин? — вдруг выдаёт парень, по ощущениям младше меня года на четыре.

— В чём?

Стягиваю перчатки, скидываю маску и снимаю фартук,

каким-то образом нашедшийся на нашей кухне. Это я так юбку от цветов защищала.

— Избы горят всё время, а кони не переводятся, — фыркает он. — А их не научили просить о помощи. И признавать усталость — тоже.

— Откуда столько опыта?

Но он не обижается.

— У меня есть мать и сестра, воспитанные в духе. Насмотрелся. Поэтому отдохните, а мы здесь всё уберём. Не надо вам заниматься цветами, на которых, к тому же, сильно сэкономили.

Боже, даже он это заметил. А Коле нормально.

Вздохнув, берусь за ручку спальни. А потом вспоминаю и отшатываюсь.

Только сегодня мой муж натягивал здесь на член левую девицу, а потом нежничал с ней у меня на глазах.

Воспоминание отзывается в груди тупой, ноющей болью. Приходится умыться в ванной, а потом пить кофе на кухне, тысячу и ещё один раз предлагая работающим женщинам чай и отдохнуть.

Парень без имени прав, нас не учили. Даже сейчас, совершенно опустошённая внутри, внешне я готова вскочить и броситься на помощь с лепестками. Кажется, когда они заканчивают, то вздыхают с облегчением, избавляясь от моего общества.

Хлопает дверь.

А я продолжаю сидеть в кухне. Подтягиваю колени к груди, откидываю голову на спинку кухонного уголка. Вспоминаю, как хотела маленький круглый стол на двоих и красивые кресла, а Коля фыркнул, а на следующий день притараканил это убожество.

Привычно. Удобно. Можно разместить компанию. Его слова.

Только ни одной компании наша квартира так и не увидела. Коля работал в странном графике, выкраивал время на любовниц — но это я сейчас в курсе, а тогда кивала и “понимала”. А я работала пятидневку, а в выходные стирала, убирала, готовила.

Забыла, что раньше каждое воскресенье выбиралась в театр. Любила мюзиклы и исторические романы. Мечтала побывать в Праге и полюбоваться на собор Св. Витта.

Всё сгладилось, потускнело. Стало “все так живут”.

И в этом есть моя вина. Я так стремилась в спокойную, обыденную жизнь, что не заметила, как меня начало от неё тошнить.

И логично обвинить Громова и в этом, но почему-то не хочется.

Встав, споласкиваю чашку под краном и собираюсь полежать на диване в гостиной, раз путь в спальню мне заказан. Но в этот момент тишину квартиры разрывает звонок.

Морщусь, пока глаза привыкает к яркому экрану после полумрака квартиры.

— Да.

— Малыш, ты готова?

Громов.

— Даже не собиралась.

И дело не в набивании цены. За своими переживаниями я напрочь забыла про моего персонального гада.

— Значит, я не зря подготовился, — усмехается Громов.

А в следующее мгновение в замочной скважине поворачивается ключ.

Замираю с телефоном в руке и на фоне бьющего из подъезда света в проёме возникает мощная фигура Громова.

— Дашь войти?

Глава 10

— То есть перед тем как открыть дверь своим ключом, ты не спрашивал. А здесь решил проявить вежливость?

На мне всё ещё офисный костюм. Под взглядом Громова застёгиваю верхнюю пуговицу рубашки.

— Ты же любишь решать.

Звучит как издёвка. И также выглядит, учитывая, что Громов спокойно переступает порог и закрывает дверь.

— Переодевайся.

Громов ставит большие пакеты на пол и проходит в кухню. Иду за ним.

— Знаешь, что?

— Знаю.

Он по-хозяйски достаёт с полки бокал, наливает в него воду, пьёт. Даже это выходит у него чертовски сексуально! Кадык дёргается на сильной шее, а я ловлю себя на мысли, что не хватает только сбегавшей по коже капли, которую так и хочется поймать губами.

ТЬфу!

— Ты стала сильной, смелой, уверенной и дальше по списку. А я сволочь, скотина и гад, променявший любовь на карьеру.

Громов ополаскивает бокал под краном и ставит на место. Против воли сравниваю его с Колей, который вечно бросал

всё где придётся.

— Так, отомсти мне, — ухмыляется сволочь, скотина и гад. — Разведи на ресторан и секс, а потом брось. Обещаю мучиться и страдать.

— Звучит как бонус тебе, а не как месть для меня, — хмурюсь.

— С какой стороны посмотреть.

Он опирается обеими руками о край гарнитура, смотрит так, что хочется прикрыться. Его взгляд волнует и бесит одновременно. Здесь и чисто женское желание нравится, и “не для тебя мама ягодку растила”.

Кстати, про маму. Вот у кого аллергия на Громова, так это у неё. В её доме запрещено упоминать даже производные от его фамилии.

— И с какой смотришь ты?

— Я решил, что ты мне нужна, малыш. Для начала в постели, а там посмотрим. Не поверишь, за эти годы никто так с тобой и не сравнился.

— Другими словами, ты спал со всеми подряд, а теперь этим хвастаешься?

Цензурных слов не остаётся.

— Не со всеми подряд, — хмыкает Громов.

— Я просто в шоке, — развожу руками. — Всякое было в моей жизни, но такой наглости... и иди-ка ты на хрен, любимый. Никуда я с тобой не пойду. А раз выгнать тебя мне тупо не хватит сил, то до свидания.

Театрально взмахиваю рукой с искусственной улыбкой на лице.

— Надеюсь, больше не увидимся.

Возмущение внутри меня пышет и подпрыгивает крышечкой на переполненном чайнике терпения.

Это же надо додуматься! То есть Громов прямо заявляет, что трахал всё подряд, пока я здесь страдала, и считает это аргументом для ужина? Совсем того?

Какая же зашкаливающая наглость должна быть в этом мужчине, чтобы...

Ещё бы кто-то дал мне додумать.

Потому что наглость Громова я недооценила. Он не просто наглый, он охреневший вкрай.

И не успеваю я сделать и шага, как оказываюсь в жёстких, сильных руках. Они не ждут, не спрашивают и в принципе не интересуются моим мнением. Одна ладонь зарывается во вконец растрепавшуюся причёску, вторая вдавливая меня в твёрдое и горячее тело.

И всё, что успеваю, это прикрыть глаза. На одних рефlekсах, бессознательно размыкаю губы, чтобы возмутиться, и Громов пользуется приглашением.

Никакой проблемы, ноль сомнений. Его язык врывается в меня с полной уверенностью в своей правоте. Громов властвует и подчиняет, зажигает сильными и уверенными движениями.

Так, что я сама не понимаю, почему противилась.

Так, что меня накрывает невероятно сильным чувством потери. Словно всё это время я ждала только его. Словно всё, что мне нужно — его губы и его руки.

Перед глазами пляшут цветные пятна, воздуха категорически не хватает, но я скорее умру, чем откажусь от него снова.

Мне никогда не было так больно.

Мне никогда не было так хорошо.

И громкий стон, который издаю, это только подтверждает.

Боже, это не поцелуй, это самый настоящий оргазм.

Чувствуя, как волны удовольствия одна за другой сотрясают моё тело, боюсь только одного. Что всё закончится, и я снова останусь в холодном беспросветном одиночестве.

— Моя девочка.

Меня и так трясёт, а хриплый голос Громова добавляет красок этому безумию.

— Всё ещё только моя.

Его. Всегда.

Как бы ни пряталась, страдала, плакала и отказывалась от этих чувств. Увы, они всё равно никуда не делись. Съежились, заморозились на эти шесть лет.

Только стоило ему снова оказаться поблизости, как всё, что между нами было, вспоминается, раскрывается и выходит из сумрака памяти.

Правда, кое-какое сознание во мне всё же остаётся.

— Нет, Алекс, — умоляю шёпотом, перехватывая его ру-

ки. — Не надо. Снова.

— Надо, малыш.

Мы делим одно дыхание на двоих. Теряем себя, растворяемся друг в друге. И всё это не снимая одежды.

— Ты убьёшь меня. Раздавишь. Уничтожишь.

Зажмурившись, прислоняюсь лбом к его лбу. Он переплетает наши пальцы.

— Я не смогу опять.

Алекс тяжело дышит. Будто в печку этого локомотива подбросили слишком много угля.

А у меня перед глазами проносятся картины нашего с Коленей прошлого. Бесцветные, никакие. Перечёркнутые одним поцелуем Алекса Громова.

Мне плохо. В груди давит, трудно сделать вдох. И не потому что я не могу отдышаться после нашего, как раньше, приступа страсти. Просто я знаю, если он не остановится, мне не отказаться. У меня нет столько сил и воли. Не сейчас, когда моё тело ноет, требуя вобрать в себя всего Громова. Когда кожа зудит, больше всего на свете желая его руки на себе.

— Хочешь секрет, малыш? — наконец, хрипло произносит Громов.

Вместо ответа киваю. Знаю, что не могу контролировать голос.

— Мне насрать на показатели вашего филиала. Я приехал за тобой.

Зажмуриваюсь. До боли, до белых пятен перед глазами.

Не хочу этого слышать, но слова уже произнесены.

И после них всё не будет по-прежнему.

— Но пока начнём с ужина.

Его руки исчезают с моих бёдер. Громов отступает на два шага, а я только сейчас осознаю себя сидящей на столе с задранной юбкой. Рубашка вовсе валяется в углу, а ляжки бюстье спущены с плеч.

Господи!

Прикрываться поздно, но я всё равно свожу колени и хватаюсь за кухонное полотенце. До ушей доносится смешок.

— Собирайся, малыш, пока я...

Недоговаривает.

— Пока у тебя есть видимость выбора.

— Видимость?

Одной рукой пытаюсь пригладить волосы, сползаю, встаю на ноги. От Громова пышет жаром даже на таком расстоянии. Боюсь сделать шаг, чтобы не спровоцировать.

— В нашем случае это уже много, — усмехается он.

А потом резким шагом идёт к двери.

Глава 11

— У тебя двадцать минут, малыш.

— А иначе что?

Я уверена, что Громов со своими замашками промолчит. Но, взявшись за ручку двери, он всё-таки оборачивается.

Задыхаюсь жаром от взгляда, которым он окидывает меня с ног до головы. Ловлю его усмешку. И слышу, как хлопает входная дверь.

Пять минут. Мне надо пять минут, чтобы прийти в себя, забыть про Громова и снова стать сдержанной и холодной.

Только вместо пяти я медитирую в одну точку все пятнадцать. Бросаю взгляд на время, чертыхаюсь и в панике начинаю собираться. И для начала спотыкаюсь о пакеты, с которыми пришёл Громов.

Огромные, они не шуршат, когда я врезаюсь в них в коридоре. Один падает, и из него вываливается обувная коробка стоимостью в три моих зарплаты. Застываю.

Громов с-с-с... самодовольный самодур. И я знаю, что это одно и то же, но по-другому обозвать его могу только матом.

Ещё минуту стою и пялюсь на выпавшую коробку и остальные пакеты. Подозреваю, что их стоимость превышает мою годовую зарплату. Борюсь с собой изо всех сил.

Ведь с одной стороны, Громов — гад и сволочь, у нас с ним полно проблем, недопонимания и хренового прошлого.

Я не хочу и не могу принимать от него подарки, особенно такие.

Но с другой... с другой всё моё женское начало, которое обожает шоппинг и красивые вещи, вопит от восторга и требует заглянуть хотя бы одним глазком. И, вообще, пусть тратится. Хотя бы так отольются кошке мышкены слёзы, даже если они высохли шесть лет назад.

Остаются три минуты, когда во мне побеждает месть. Да, я нагло вру себе, что эти траты ударят по кошельку Громова. Подхватываю пакеты, по привычке запираюсь в ванной...

Боже, он рехнулся!

Потому что в пакетах не только туфли и платье. Откровенное, едва что-то прикрывающее бельё в них тоже есть. И вся эта красота — вызывающего алого цвета.

Прикусив губу, смотрю на себя в отражении.

Когда я последний раз надевала красное? Наверное, хоть пару раз за эти годы должна была. Но память подкидывает только нашу первую встречу: меня в ярко-красной короткой юбке, таких же плотных колготках, чёрных ботинках на плоском ходу и длинном красном пальто.

Я любила красный. Когда-то. И сам Громов признавался, что в тот серый осенний день меня невозможно было не заметить.

Поджимаю губы и вспоминаю, что в шкафу висит коктейльное чёрное платье из категории “и в пир, и в мир”. Отличный вариант и для ресторана, и для корпоратива. Коля

считал его дико сексуальным и всегда лез руками под подол.

И это точно становится лишним. Глаза сами прищуриваются, мозг подкидывает картинки недавней измены, а я вспоминаю, что шкаф в спальне, в которую я не могу зайти.

И рука сама тянется к дальней полке, раздвигает зубные пасты со щётками.

Чтобы достать алую, как невесомое кружевное бельё, помаду.

Я выхожу из подъезда с опозданием в пять минут. И да, даже бельё на мне то, которое выбрал Громов. Это будоражит кровь и кружит голову, хотя во мне ни капли алкоголя. И ещё хуже становится, когда мы встречаемся взглядами.

Вот только Громов расслабленно стоял, опираясь о крыло огромной чёрного седана. Но сразу подбегает, словно хищник, увидевший добычу. Я чувствую касания там, где путешествует по телу его взгляд. Вижу довольную усмешку.

Оттолкнувшись от машины, он приближается ко мне.

— Моя малышка, — довольно отзывается Громов.

— Не твоя, но за платье спасибо. Оно чудесное.

Я же вежливая девочка, да и ехидная улыбка под стать.

— Платье дерьмо, — усмехается Громов.

Он касается моего подбородка, большим пальцем оглаживает нижнюю губу. Из меня непроизвольно вырывается горячий вздох.

— Ты в нём — чистый секс. Снимешь его для меня? —

от хриплого тона в горле пересыхает.

Облизываю губы, попутно радуясь устойчивой помаде.

— Ужин, Громов. Мы договаривались на него. Только на него, — добавляю весомо.

Но какой вес, когда он смотрит вот так. Настолько откровенно, что у меня перехватывает дыхание, а бёдра непроизвольно сжимаются.

— Скажи, что твоя кожа не зудит от желания моих рук на себе, — поднимает бровь Громов. — Что ты не представляешь, как вонзаешь ногти мне в спину. Что не слышишь свои будущих стонов подо мной. И тогда да, мы ограничимся только ужином, малыш.

Издевается, самым натуральным образом. Потому что после первого же предложения меня бросает в жар. Я не могу сделать вдох полной грудью, а предательский мозг подкидывает картинки из прошлого.

— Но не забудь, что я точно знаю, когда ты врёшь. И за каждую ложь буду наказывать. Приятно для себя.

С этими словами он приобнимает меня за талию, помогает сесть в машину. И я всё ещё перевариваю пассаж Громова, когда он называет водителю самый пафосный ресторан города.

Глава 12

— Александр Германович, очень рады вас видеть, — распинается метрдотель.

Язык не поворачивается назвать элегантного, в идеальном костюме мужчину средних лет хостесом.

Но интереснее другое, Громов уже так полюбился в нашем городе? Что официанты чуть ли не раскланиваются, пока нас ведут к дальнему столику у панорамного окна.

Он не отгорожен от общего зала, но стоит в отдалении. Так, что голоса посетителей и шум ресторана слышно едва-едва. А вид... боже, какой здесь вид!

За окном достаточно стемнело, чтобы город погрузился в рассеянную иллюминацию. Красиво подсвечиваются храмовый комплекс Святой Екатерины, театр Оперы и балета, мэрия и памятник перед ней. А мы наслаждаемся этим с двадцатого этажа новой, построенной в самом центре города, высотки.

Кстати, здание офиса тоже недалеко отсюда. Видно его самый угол.

Иногда, в обед, я гуляла и представляла, как буду наслаждаться ужином в этом ресторане. Но такой компании мне и в страшном сне не приснилось бы.

— Игристое брют моей девушке.

Отвлекаюсь от вида, чтобы перевести взгляд на Громова.

— Вам как обычно?

— Да.

Одно слово, а сколько смысла.

— Ты здесь частый гость? — поднимаю бровь.

Под насмешливым взглядом Громова нагло игнорирую и его расслабленный вид, и то что он помнит. Какое я люблю игристое — в том числе.

— Случалось.

— Так случалось, что тебе предлагают “как обычно”?

Но на этот вопрос он не отвечает. Какое-то время изучает меня, а потом встаёт, чтобы передвинуть свой стул практически вплотную к моему.

— Что ты делаешь!

Шипение вырывается само собой. Я оглядываюсь. Кажется, что весь ресторан смотрит на наглую выходку Громова. Тем более, что посетители чинно-благородно сидят друг напротив друга, а этот...

Впрочем, в мгновение ока подскакивают два официанта и переносят приборы и тарелки. А Громов официально водворяется рядом со мной.

И ему трижды плевать на вид, он садится спиной к окну и, похоже, вообще об этом не жалеет.

— Не могу сдержаться, малыш. Ты в этом платье круче Exelero*, невозможно быть далеко.

— Шесть лет было возможно, а сейчас вдруг терпелка сломалась?

Одно дело ужинать с Громовым, и совсем другое — ужинать, касаясь бедром его бедра!

— Этот СТОшник научил тебя грубостям?

Его пальцы чувствительно перехватывают мой подбородок, заставляют повернуть голову. Губы Громова оказываются в опасной близости от моих. Понимаю, что замёрзла — контраст его горячих пальцев и моей прохладной кожи так особенно заметен.

Сглатываю, и он это видит. Довольно усмехается.

— В грубостях мне не сравниться с тобой. Взять только...

Но его палец оттягивает мою нижнюю губу, и дыхание срывается. Я уже не думаю о том, что на нас смотрят, а у меня полно знакомых, которые знают Колю. Внутри натягивается волнительная пружина, и меня пугает тот миг, когда она выстрелит.

— Решим на берегу, малыш. Ты права, я — сволочь. И поступил чертовски плохо по всеобщему мнению, бросив тебя тогда.

Он отпускает меня в тот момент, когда нам приносят напитки. Вцепляюсь в тонкую ножку бокала, боясь, что она треснет.

— Но поверни всё по-другому, и сейчас мы бы жили в хреновенькой двушке с ипотекой и мечтали об отпуске хотя бы раз в три года. Я стал бы обычным менеджером, а не владельцем мощной компании. А ты точно так же терпела бы меня, а не своего полудурка.

Он подаётся ближе, кладёт широкую ладонь на моё колено. Вздрагиваю. В панике мечусь глазами по залу, но здесь длинные скатерти, никто не видит Громовских пассажиров.

— Я — сволочь, малыш, — хмыкает он мне в ухо. — Но я умная, богатая и чертовски сексуальная сволочь, которая тебя хочет. И получит, малыш.

От горячего дыхания шевелятся волосы, щекотят шею. По рукам и спине гуляют мурашки, которых Громов прекрасно видит.

Оторвавшись от высокого выреза на платье, обнажающего ногу до середины бедра, его пальцы касаются запястья. Рука, которая держит бокал, непроизвольно дёргается.

Я приоткрываю рот, когда он скользит по тыльной стороне руки к сгибу локтя. Рвано выдыхаю, стоит ему начать выводить на моей коже узоры.

— С чего вдруг именно сейчас?

Контролировать голос даже не пытаюсь. Бесполезно. Всё моё существо тянется к нему. Картины прошлого причудливо переплетаются с фантазиями о том, как это будет сейчас.

Да даже его откровенные, наглые слова отзываются удовольствием где-то глубоко внутри меня. В той части, куда я не готова заглядывать, боясь обнаружить много открытий. Например, полное согласие с его словами.

И только обиженная маленькая девочка во мне, которую бросили, требует мести.

— Считай, что у меня появилось время.

Громов легко прикусывает мочку моего уха. С трудом сдерживаюсь, чтобы не ёрзать на стуле от горячего, скапливающегося желания между бёдер. Понимаю, что нахожусь в шаге от пропасти. Но хуже, что во мне всё меньше протеста против того, чтобы в неё упасть.

Вот только...

Exelero* — спорткар от Майбах, изготовлен в единственном экземпляре.

Глава 13

Играя по его правилам, подаюсь ближе.

Громов очень точно себя охарактеризовал — умная, богатая и сексуальная сволочь. И я видела, как на него смотрят женщины, любая была бы рада рухнуть в эти объятия. Да даже я бы не отказалась.

Если бы не одно “но”.

— А моё для тебя вышло шесть лет назад.

Дико сложно отодвинуться, но я справляюсь. Даже горжусь собой, учитывая, чего мне это стоит.

Да, химия между нами такая, что искрит. И плевать ей, сколько лет и личных армагеддонов прошло. Но я — это не только набор гормонов, у меня ещё и мозг есть.

— Ты практически убил меня, Громов, — грустно улыбаясь, кручу в руке бокал. — И надо быть не просто сволочью, но ещё и первоклассным дураком, чтобы думать, будто я всё забыла.

— Малыш, — качает головой он, — мы же оба знаем, чем это закончится?

— И чем же? — поднимаю бровь.

Но ответить Громов не успевает.

— Милый, у тебя randevu с очередной шлюхой? Похвально. Не теряешь времени зря.

Новым персонажем этой прелестной драмы становится

высокая, эффектная брюнетка с раскосыми глазами и повадками кошки. Это прослеживается даже по тому, как она стоит у нашего стола.

— Добрый вечер, барышня, — кивает она вполне дружелюбно.

Только надо быть полной идиоткой, чтобы не заметить стальной блеск в глазах и решимость убивать за своё. А в данном конкретном случае своим она считает Громова.

— А вы на что повелись? На физиономию, тело или бабки? Но имейте в виду, всё это не искупает дерьмовый характер.

Как-то вдруг ей приносят стул, так что брюнетка оказывается третьим за нашим и так непростым столом.

— Пошла вон, милая. Или тебя выведут силой.

— А я им паспорт покажу, — усмехается она и протягивает мне ладонь. — Каролина.

Полный финиш.

— Мне нужно припудрить... носик.

Подхватив сумку, иду на поиски кого-нибудь, кто бы знал, где здесь дамская комната. К счастью, мне помогает одна из официанток, проходящих мимо. И уже на выходе из зала я оборачиваюсь, чтобы с горькой усмешкой признать, что эти двое слишком хорошо смотрятся вместе.

Туалет в самом пафосном ресторане города оказывается размером с мою квартиру. И, прямо скажем, обставлен куда

дороже: мрамор с разводами на полу, мрамор с разводами на стенах и даже раковины выполнены из того же мрамора. Шик, блеск и красота.

И я тоже ничего. Несмотря на дурдом, который только что случился в зале.

Выдохнув, опираюсь обеими руками о край раковины. Опускаю голову, рассматриваю кран и капли воды на дне раковины. Носа касается лёгкий цветочный аромат, но даже ему не перебить парфюм Громова.

Мда, это же надо так попасть. И даже измена Коли не кажется такой уж трагедией по сравнению с явлением Громова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.